

Содержание

Пролог	6
1. Нукку	8
2. Алек	26
3. Нукку	47
4. Алек	57
5. Нукку	76
6. Хе́йм	98
7. Алек	103
8. Нукку	114
9. Мэ́ззу	126
10. Алек	134
11. Нукку	153
12. Мэ́ззу	171
13. Хе́йм	178
14. Алек	184
15. Нукку	192
16. Нукку	206
17. Алек	223
18. Нукку	230
19. Алек	235
20. Мэ́ззу	238

21. Hukku	250
22. Hukku	259
23. Alekc	269
24. Hukku	272
24. Hukku	293
25. Hukku	293
26. Məzzu	305
27. Heüm	319
28. Alekc	326
29. Hukku	339
30. Alekc	362
31. Hukku	370
32. Alekc	393
33. Hukku	398
34. Heüm	406
35. Hukku	411
36. Alekc	423
37. Hukku	432
38. Məzzu	439
39. Alekc	443
40. Hukku	453
Әнуар	458
Благородности	475

*Моей сестре Белен, которая боролась за то,
чтобы эта история вышла в свет.*

Пролог

Пока он лежал на кровати, его отсутствующий взгляд ясно давал понять, что его что-то беспокоило. Его не волновало и то, что он буквально только что закончил развлекаться с красивой длинноногой девушкой с невероятными формами. Беспокойство, которое овладело им два месяца назад, усиливалось по мере того, как сын Леноксов опасно приближался к истине. Он взял телефон с прикроватной тумбочки и напечатал свое имя в поисковой строке в интернете. Недавно стало известно, что Ленокс будет назначен на должность нового генерального директора Lenox Executive Aviation, и насколько ему удалось выяснить... сын не имел ничего общего со своим отцом Ричардом Леноксом.

Сразу стало понятно, что их знакомство было всего лишь вопросом времени. Однако он бы солгал, если бы сказал, что с нетерпением ждал этого... Что-то внутри

подсказывало ему, что на этот раз вопрос не решится вызовом хорошего киллера.

Александр Ленокс не был похож на своего брата... И угроза, которая нависла над ним, привела к немислимому: ей удалось лишить его сна.

1

Никки

В моих глазах отражался огонь, что горел передо мной.

Я молча наблюдала за тем, как огонь охватил тело моего дяди Кадека, и чувствовала, как рядом со мной дрожит моя бабушка, содрогаясь от рыданий. В индуизме тела умерших кремируют, чтобы помочь душам перевоплотиться в новую жизнь, огонь считается символом очищения и освобождения... И на мгновение мне из всех сил захотелось в это поверить.

Мои друзья, которые стояли рядом со мной, затаили дыхание, наблюдая за ритуалом, к которому они наверняка не привыкли. Смерть не должна быть чем-то печальным... по крайней мере, не в этом уголке мира. На Бали мы верим в реинкарнацию, празднуем смерть и вспоминаем усопших на грандиозных банкетах с едой...

Никогда еще за всю свою жизнь я так сильно не ненавидела религию, как в этот момент.

Я была разбита... Мое сердце наполнено бесконечной печалью и ненавистью по отношению к тому, кто решил забрать у меня человека, который был мне как отец.

Врачи, которые нашли его, сказали, что это был сердечный приступ... «Сердечный приступ»... Была ли я его причиной? Мог ли мой бунт из-за того, что я уехала с Алексом, спровоцировать сердечный приступ, который привел к смерти моего дяди?

Нельзя так думать. Я не могла взвалить эту ношу на себя, если хотела пережить свою потерю, и чтобы при этом чувство вины полностью не поглотило меня. Но что-то во мне не могло избавить меня от мысли, что было бы, останься я тогда рядом с ним...

Это состояние коснулось не только меня: весь остров был погружен в печаль. Их лидер умер, и достаточно было взглянуть по сторонам, чтобы убедиться в том, насколько любимым и уважаемым был мой дядя на протяжении всех этих лет. Практически все жители острова собрались, чтобы попрощаться с ним.

Согласно традициям индуизма, следующие десять дней после похорон мы должны были соблюдать траур. Мужчинам запрещалось стричься и бриться, а женщинам мыть голову и посещать храмы и святые места.

Я решила запереться дома.

Позволила страху и печали поглотить меня и отогнала от себя всех, кто пытался мне помешать. Единственная причина, по которой я вставала с постели, заключалась в том, чтобы навещать мою бабушку, которая в возрасте восьмидесяти лет потеряла обоих своих детей.

Мы вместе стояли на коленях и молились... Точнее, она молилась, а я пыталась осознать то, что моя жизнь так радикально изменилась за считанные часы.

Несмотря на все, что произошло с моим дядей, мне никак не удавалось выкинуть из головы последние часы, проведенные с этим потрясающим мужчиной, который забрал с собой частичку моего сердца. Я изо всех сил старалась спрятать Алекса и его правду в закрытом ящике — в том уголке своей головы, который открою только тогда, когда буду к этому готова. Однако, несмотря на то что я хранила все это глубоко внутри себя, воспоминания, его слова, прикосновения и поцелуи изо дня в день всплывали в моем подсознании, утешая меня так же, как, я знала и верила, он сделал бы, если бы был рядом со мной.

Но это было только мое воображение. Мы больше не общались.

Зачем?

Он уехал, и мне пришлось столкнуться со вторым по величине несчастьем, которое только что обрушилось на мою семью. Здесь не о чем было больше говорить.

Вначале он написал мне, но, учитывая все произошедшее, стоило мне вернуться домой, когда я прочитала его сообщение, было уже поздно пытаться поддерживать то, что уже явно закончилось. Я не чувствовала себя достаточно сильной ни физически, ни морально, чтобы преодолевать расстояние, которое нас разделяло. Он был из другого мира и не собирался бросать все ради этого острова, ради меня. И наши чувства по этому поводу были взаимны. Связь, которая возродилась между нами, была дикой, но я знала, что будет лучше держать ее под замком, в конце концов, нужно уметь от-

казываться от невозможного. Лондон был не для меня, и мне было трудно представить себе место более далекое от меня, чем этот город. Тем не менее его последние слова, сказанные перед отъездом, напрочь засели у меня в голове, звуча подобно мантре, которой, казалось, не было конца.

«Двадцать лет назад частный самолет Gulfstream V разбился во время полета над Северным морем, когда направлялся в Лондон из Амстердама». «На борту самолета находился Джейкоб Лейтон, его семилетний сын Адам и предполагаемая няня мальчика». «Николь, я думаю, это не просто авиакатастрофа. Уверен, есть еще очень много всего, о чем никто не знал».

Как бы сильно мне ни хотелось продолжать жить, игнорируя то, что он мне тогда сказал... это было невозможно. Стоило мне расслабиться и ослабить свою защиту, особенно часто это случалось перед сном, слова Алекса возвращались, чтобы мучить меня и не давать мне покоя.

«Полагаю, твой дядя опасается за твою жизнь. Может, он почувствовал или понял, что авиакатастрофа была спровоцирована. Как и многие британцы, он, скорее всего, осознает, что кто-то хотел избавиться от твоего отца и его наследника. Возможно, этим кем-то является человек, который сейчас руководит фармацевтической компанией».

«Если то, что я выяснил, — правда, и я готов поспорить на что угодно, что так и есть... Николь, ты была бы законной наследницей империи Лейтон, ты это понимаешь? Все было бы твоим».

Я с силой закрыла глаза, пытаюсь выбросить его слова из головы.

«Все было бы твоим».

Все... Что «все»? Мне ничего не хотелось, только вернуться к своему дяде и родителям, мне хотелось жить спокойно, я не хотела ничего требовать, я не хотела ничего...

В последнем сообщении, которое мне отправил Алекс, говорилось следующее:

Мне бы очень хотелось снова услышать твой голос, даже если только по телефону, Николь. Понимаю, те открытия сильно ранили тебя, и отчасти это привело к тому, что ты больше ничего не желаешь слышать обо мне. Я больше не буду беспокоить тебя, поскольку уважаю твое решение жить так, как ты жила до сих пор... Не всем из нас дано смотреть правде в глаза, к тому же твое место там, на Бали. Я буду скучать по твоей компании, улыбке и по ощущению твоих губ. Желаю тебе всего наилучшего.

Я ничего ему не ответила.

Не смогла.

Даже не рассказала ему о своем дяде, мне не хотелось подкармливать монстра, который начал расти внутри меня и так и норовил уничтожить все на своем пути.

Чтение о том, что он скучал по моим губам, пробудило во мне желание, которое долго дремало с тех пор, как умер мой дядя. Я даже не могла фантазировать о своих последних воспоминаниях об Алексее, о том, как мы вдвоем гуляли, держась за руки, среди рисовых полей, о его поцелуях украдкой каждый раз, когда выпадала такая возможность, не теряя времени даром, потому что времени у нас как раз-таки и не было.